

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, Комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@rambler.ru.

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Георгий Малиев. «Смерть глашатая»

Irlan S. Khugaev

Comprehensive Research Department of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, Dr., Russia, Vladikavkaz email: shmiksel@rambler.ru

The experience of the popular anthology of Ossetian short prose: George Maliev. «Death of the Herald»

Малиев Георгий

В предыдущих работах мы высказали несколько соображений об обычае кровной мести в жизни горских народов Кавказа и его отражении в литературе, об образе мстителя и о его культурном значении и эстетическом содержании. Сегодня рассмотрим поближе другой устойчивый образ осетинского национального мышления – образ глашатая.

Институт глашатаев мог возникнуть и существовать, естественно, только в дописьменную эпоху, как одно из орудий государственной власти и общественной организации. Общество – это сфера прежде всего единого информационного пространства. Без глашатаев нигде не могли обойтись, в том числе и на Руси. Известно, что в XV веке вошло в обыкновение оглашать правительственные указы с Красного крыльца кремлевских палат в Москве, на Ивановской площади, что и породило поговорку «кричать на всю Ивановскую». А уже в конце XVI века, с началом книгопечатания на Руси, у Спасской башни создается место постоянного распространения печатных и рукописных книг, летучих листков, лубочных картинок и т. п. Естественно, что с появлением печати институт глашатаев за ненадобностью упраздняется, – так же, как институт сказительства.

Следует именно заметить, что в сознании дописьменной эпохи понятия глашатая и сказителя занимают смежную позицию, чему соответствует семантическая близость понятий «глас» и «сказ». В то же время разница между глашатаем и сказителем столь же кардинальна, как между писарем и писателем. Глашатай и писарь не создают смыслы, а только ретранслируют их. Глашатай – не первоисточник, а только носитель информации.

Однако по возникновении периодической печати и художественной литературы сам по себе образ глашатая (как и образ сказителя) приобретает особую символическую емкость и наполняется глубокими метафорическими смыслами. Особенно характерно это для младописьменных горских литератур, поскольку для народов Кавказа переход от векового патриархального уклада к новым историческим условиям и правилам был болезнен и драматичен, и художественная литература с особым пристрастием фиксировала атрибуты, образы и символы уходящей старины.

Упразднение института глашатаев было, конечно, не единовременным актом, но длительным естественным процессом, и, таким образом, этот институт долгое время сосуществовал наряду с книгопечатанием и периодикой, вообще с письменностью (заранее обращаем внимание читателя на то обстоятельство, что глашатай и писец показательно сосуществуют в пространстве публикуемого сегодня произведения). Поэтому первые осетинские литераторы могли писать образ глашатая с натуры, в определенной мере себя с ним ассоциируя: писатель в широком смысле – тоже глашатай, и вся национальная литература, если она живет радостями и бедами народа – тоже глашатай. Сказитель по сути своей миссии ближе к писателю, чем глашатай, но, в силу определенных философских и эстетических мотивировок, писатель охотнее сравнивает себя с глашатаем: для него высшая честь – выступить орудием и проводником высших смыслов. В этом последнем отношении глашатай уподобляется уже пророку. Не случайно зовется «Глашатаем» («Фидиуæг») и главный современный литературно-общественный журнал Республики Южная Осетия.

Вашему вниманию сегодня предлагается один из самых коротких рассказов в осетинской литературе – «Смерть глашатая» (1915) Георгия Гадоевича Малиева (1886–1942). Г.Г. Малиев принадлежит к старшему поколению наших классиков, условно, хронологически – второй плеяде осетинских писателей, значительная часть которой в 30-х годах XX века несправедливо подверглась репрессиям. Георгий Малиев был арестован в 1937 году и скончался в заключении в Хабаровском крае (реабилитирован в 1956 году).

Г.Г. Малиев
СМЕРТЬ ГЛАШАТАЯ
 (Перевод с осетинского И.С. Хугаева)

В сельскую канцелярию вошел высокий, грузноватый человек. На нем были поношенная лохматая папаха, старая черкеска в заплатах, кожаный ремень и чуваки с сафьяновыми носками, на которых разошлись швы. Это был сельский глашатай Дадо. Судя по морщинистому лицу и бороде с проседью, Дадо было, наверное, не меньше шестидесяти лет.

За столом канцелярии сидели молодой и нарядный староста и пожилой русский писарь в очках.

– Да будет ваше утро добрым, – приветствовал их Дадо.

– Да будет и тебе его благодать, – ответили ему.

Помолчав, староста достал из кармана бешмета белый платок и провел им по лицу.

– Вот что, Дадо, – вымолвил он наконец, – наверное, это тебя огорчит, но мы решили тебя уволить.

– Как уволить? – остолбенел Дадо.

– Мы нанимаем другого глашатая, – сказал староста. – Ты уже старый, твой голос ослаб, не годишься ты больше в глашатаи.

Дадо будто лишился дара речи, лицо его стало бесцветным, лоб, испещренный морщинками, покрылся холодной испариной.

Тридцать лет служил он глашатаем в большом, многолюдном селении. Когда, бывало, Дадо выходил прокричать людям какую-нибудь новость, улицы села заполнялись народом, замолкали старики на нихасе, женщины глазели из окошек и сквозь

щели плетней, а мальчики бежали ему навстречу. Так, из улицы в улицу, из одного края селения в другой ходил со своими вестями старый Дадо.

А два-три раза в год он объезжал село на арбе, отряженной для общественных работ, с кадушкой для мерки зерна, и собирал плату за свой труд. Платили ему кто деньгами, кто пшеницей, кто кукурузой, кто чем-нибудь еще. Так и жил Дадо, не мечтая о лучшей доле, и содержал самого себя и свою жену с большими, гноящимися глазами. Детей у него не было. Что ему теперь делать? Как ему жить дальше, чем кормиться, когда ему нечем зарабатывать?

– Что я сделал тебе? Зачем ты губишь меня? – дрожащим голосом спросил Дадо.

– Ничего ты мне не сделал, – ответил староста, – но я же говорю тебе, что ты стар и в глашатаи больше не годишься.

Дадо посмотрел на него каким-то бессмысленным взглядом, желая, видимо, сказать что-то еще, но грудь его стеснило и горло перехватило так, что он не смог вымолвить ни слова.

– Ступай, не мешай нам работать, – сказал староста.

Ноги Дадо онемели, ему показалось, будто его ударили по шее тяжелой палкой, – и он с грохотом рухнул навзничь.

– Эй, кто-нибудь, идите сюда, – крикнул староста, выглянув в окно, – старый глашатай Дадо умер.

РЕЗЮМЕ

Когда умирает глашатай, о своей смерти он уже не может прокричать. Другие это делают за него. Смотрите: в рамках сюжета самодовольный староста сам вынужден стать на минуту глашатаем. А если выйти за его рамки, мы увидим и услышим, что рассказ Малиева и есть не что иное, как крик о смерти глашатая...

Кстати: как староста узнал, что Дадо мертв? Ведь он даже не привстал, чтобы посмотреть как следует? Отчего он не предположил, что Дадо упал в обморок или что Дадо симулирует? Оттого, что он знал, что Дадо не таков, чтобы терять сознание или притворяться; что единственное, что могло свалить его навзничь, – это смерть.

Символическое значение этого образа, как мы уже сказали выше, связано, очевидно, с сакральными оттенками той общественной функции, которую он выполняет. Через глашатая осуществляется связь между властью и народом и между отдельными людьми; сам глашатай есть живой орган этой связи. Соответственно, когда этот орган умирает – в опасности здоровье всего организма, целого народа. Конечно, в этом рассказе присутствует привычная нам социальная критика, но это только первый, внешний план содержания, и не самый главный. Если бы в общественной миссии глашатая не было ничего таинственного, метафизического, то рассказ Георгия Малиева был бы не трагедией, а всего лишь анекдотом, хоть и грустным.

Почему умер Дадо? – потому что у него отобрали голос: то единственное орудие труда, которым он обладал. Судьба Дадо соотносима с судьбами многих писателей и поэтов, в том числе и автора рассказа, которого тоже лишили голоса в 1937 году. Когда человека, имеющего что сказать, лишают голоса – его убивают. Не случайно демократия в ее высшем и подлинном значении гарантирует прежде всего право голоса. Берегите демократию в самих себе; храните свой голос, как зеницу ока. Говорите, что думаете. Думайте, что говорите. Молчите, если не знаете.